

о Медее; а затем, желая подытожить все сказанное, добавил: «Но эта-то убивает собственного ребенка». — «А между тем, — заключила м-ль де Рамбуйс, — Язона⁹ у нее никто не похищал». Сказано это было так неожиданно, что Шаплен растерялся. Никто еще, кажется, не страдал такой многоречивостью, как он. Д'Абланкур терпеть его не может и говорит, что он брызжет слюной, как старая шлюха. Вуатюр, отлично знавший Шаплена, называет его в одном из писем «Мастером оправдывать ошибки»; в любом деле он ведет себя как проныра и постоянно повторяет: «Этим пренебрегать нельзя».

Пора, однако, вернуться к «Девственнице». Я не стапу забавы ради подвергать эту книгу критике. Я нахожу, что приняли ее прекрасно, а Ла-Менардьер в этом случае оказал Шаплену самую большую услугу, на какую только был способен; что до меня, то я прихожу в ужас, когда огромная гора рождает жалкую мышь. Верните себе после этого итальянцев в учителя! Учитесь у этих господ! Патрю совершенно прав, когда говорит, что Шаплен мудр на итальянский манер, т. е. что всю его мудрость составляют лишь спесь и флегма. Он довольно хорошо знает наш язык, иными словами — хорошо налагает мысль на нашем языке; но во всем остальном он крайне поверхностен; тем не менее г-н де Лонгвилль, у которого он предварительно выманил сорок шесть тысяч ливров, увеличил ему пенсию на тысячу франков. На этот раз Марциал несомненно покрякивал душою:

*Sint Mosenates, non deerunt, Flacce, Marones.*¹⁰

Успешной распродаже книги способствовало любопытство. Благодаря широкой известности автора за ней охотились очень многие; но эта вспышка быстро угасла, и я не знаю, надеется ли автор на некоторое увеличение своих пенсионных доходов и думает ли он закончить поэму, ибо на своего столетия он воззвал к потомкам; только я сильно сомневаюсь, что им прожужжат уши про это сочинение.

После успеха своей первой оды он решил, что советчики ему больше не нужны: он вернулся к присущей ему сухости; что же касается денежной стороны дела, увы! — стоило ли тридцать лет выламывать замысел, чтобы в итоге написать рифмованную историю, и только! Ведь все искусство этого человека заключается в подражании газетным писателям. Поскольку его книга стоила дорого (ее продавали по пятнадцать ливров за издание в малом формате и по двадцать пять ливров — за издание в большом, ибо авторы с некоторых пор очень любят большой формат), ему пришла в голову прекрасная мысль: своих добрых знакомых он объединял по двое, чтобы подарить им один экземпляр вместо двух; так, он объединил г-жу д'Авогур и м-ль де Вертю, ее золовку, которые, хотя и оказались в ту пору вместе в Париже, обычно живут весьма далеко друг от друга: первая — в Бретани, вторая — в столице. Г-ня Патрю он объединил со